

УДК 101.1:316

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.232-247

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАЦИЙ И НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(на материале концепта «русскости»)**

А.Р. Гиматдинова^{1,2}, Н.И. Недашковская¹

¹*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, 125993, Россия*

²*Издательство «Эксмо», г. Москва, 123308, Россия*

Аннотация

В статье анализируется методология изучения наций и национализма в современной российской историографии. В качестве аналитической рамки выступает концепт «русскости», позволяющий ввести в проблемное поле интеллектуальной истории инструменты и методы истории понятий. Определяются границы концепта, при этом демонстрируется, как он осмысливается в историографии в понятиях нации и национализма, идентичности и империи. Расшифровка интенций авторов историографических высказываний осуществляется во многом на базе трудов кембриджской школы интеллектуальной истории. Используется также биографический подход, предполагающий учет роли личного начала в исследовании, добавляя к истории историографии человеческое измерение. Осуществляется анализ когнитивных метафор, которые позволяют не только деконструировать смысл высказываний, но и выявить содержание их внутренних структур – идеологем либо фреймов.

Ключевые слова: нация, национализм, концепт «русскости», интеллектуальная история, историография, конструктивизм, этносимволизм

*Идея – ответ мыслителя
на контекст настоящего.*

Р. Коллингвуд

Историография является одним из основных источников культурной памяти, то есть формирует образ исторического сознания общества. Именно поэтому любая, даже самая не ангажированная деконструкция нации в конечном итоге приводит к созданию новой конструкции в коллективном сознании, так как «профанное» знание неотделимо от знания научного. В настоящей статье не ставится цель определить, как исследователи влияют на конструирование национальной идентичности, ибо на данный момент еще очень сложно подводить итоги этого длительного процесса. Однако наметить те границы, в которых в научном знании

осмысливается понятие «русскость», является важным как для науки, так и для социального прогнозирования.

Еще одним контекстом исследований «русскости» становится официально объявленный на сегодняшний день социологами кризис идентичности вообще, и национальной в частности. Отсутствие актуальных символов национальной гордости, вокруг которых конструируются места памяти, создает дефицит общественной солидарности, который, по мнению социолога Р.Э. Бараш, ощущается в данный исторический момент [1, с. 8]. Это, с одной стороны, подтверждает конец национальных нарративов, но, с другой, что для нас более важно, – также позволяет говорить, что исследователи могли находиться в метапозиции к своей собственной идентичности в тот момент, когда исследовали «русскость», однако в ходе исследования эта гипотеза будет скорректирована.

Тем не менее, даже несмотря на вакуум, который возник на месте популярных ранее национальных нарративов, «профанное» знание продолжает апеллировать к терминам «нация», «народ» и «русскость». Национальный вопрос долгое время находился в ведении политологов, которые работали с понятием «национализм» исключительно в геллнеровском понимании этого термина. Историки погружают его в прошлое и работают с историей этого понятия, но современная политическая повестка, в свою очередь, влияет на историков. Поэтому для анализа в работе избраны монографии историков, написанные в относительно спокойный период, до обострения отношений России с Украиной. Такая установка позволяет говорить о минимизации ангажированности исследователей, и, как следствие, не углубляться в анализ политического контекста. В то же время необходимо учитывать актуальность для политического дискурса в вопросе определения «русскости», поэтому в качестве историографического контекста нами привлечены статьи, современные источникам, в которых анализируется использование концепта «русскость» в языке политических деятелей [1].

Актуальность этого вопроса очевидна и исследователям, так как они понимают, что для использования концепта «русскость» как исторического понятия, им необходимо, не уходя при этом в политологию, «очистить» его от коннотативного шлейфа, от всех возможных интерпретаций, которые закрепились за ним за сравнительно недолгую историю активного использования. Прежде всего это необходимо для избавления от презентизма в исследованиях. Так как «русскость» осмыслилась даже в одно и то же время по-разному, сложно говорить о начале и конце национальной идентификации, тем не менее можно проследить историю бытования понятия в дискурсе разных эпох. Но чтобы «схватить» нематериальное явление, исследователям приходится определять для себя возможные границы использования этого термина, проще говоря, что можно отнести к русскости, а что будет иметь совершенно другое значение. Таким образом, проблемой данного исследования становится решение вопроса: «Что на самом деле делали историки, когда говорили о русскости?». В фокусе исследования – научный исследовательский дискурс о нации и национализме. Предметом рассмотрения является «русскость» и способы ее концептуализации.

Несмотря на то что ведущей парадигмой в исследовании национализма с момента появления и до сих пор является конструктивизм, нельзя в строгом смысле сказать, что в работах исследователи беспрекословно подчиняются правилам этого

теоретического направления. Чаще всего конструктивизм сочетается с инструментализмом. Реже – с примордиализмом. Э. Смит провозглашает новое направление – этносимволизм, которое в идеальном проекте заключает в себе все лучшее, что досталось в наследство от примордиализма, и таким образом преодолевает односторонность конструктивизма [2]. Эти сочетания не только определяются особенностью источников, с которыми работают авторы, но и тесно связаны с их идеологическими установками и ценностными убеждениями¹.

Кратко охарактеризовать различие этих подходов можно путем анализа их по следующим категориям: фиксированность или изменчивость, рациональное или идеологизированное восприятие, естественное или искусственное происхождение. Другая возможная трактовка этих антиномий: сущность/конструкт, древность/модерн, культурная основа / политические интересы. Так, для примордиализма ключевым будет отношение к национализму как к имманентной человеческому сообществу характеристике, а значит, существовавшей задолго до конца XVIII в. – периода, который конструктивисты считают началом строительства нации в Европе. Соответственно, для примордиалистов очевидно, что национализм возникает естественным образом из солидарности на основании этнического сходства. Для конструктивистов, помимо того, что нации являются «конструктами», принципиально, что они сформированы не на этнической символической, а на общности дискурса, политической символической и ценностях, то есть национализм – это самая настоящая идеология. Инструменталисты же полагают, что нации являются не просто сконструированными, но сконструированными именно по воле меньшинства, заинтересованной в этом элиты, которая пользуется национализмом как рычагом управления подданными. Ключевой категорией инструментализма становится интерес. А примордиализма – эмоция, так как в рамках этой теории во главе угла стоят «чувства» солидарности и стихийный «настроенческий» характер возникновения национализма. Как пишет А.В. Нехаев, «именно эти три понятия, – «эмоция», «интерес», «идеология» (курсив наш. – А.Г., Н.Н.), – выполняя роль «ядерных» категорий для современного этнознания, не только обеспечивают исследователей соответствующими их теоретическим вкусам зонами для поиска эмпиреологических, но и, в конечном счете, позволяют выделить и демаркировать три разные практики исследования феноменов наций и национализмов» [3, с. 41]².

Разумеется, это всего лишь идеальная схема, которая представляется нам наиболее удобной для анализа историографии. Она позволяет определить, какие теоретические установки были выбраны исследователями, в какой парадигме, и, возможно, подсветить неожиданные сочетания, в которых лучше раскроется новаторство некоторых работ, их сильные и слабые стороны, а также глубину методологической рефлексии.

Во введении к сборнику «Национализм и формирование наций...» А.И. Миллер провозглашает новый этап исследования национализма, который ставит перед

¹ Говоря о том, что на исследователей при выборе темы и постановке проблемы влияют ценностные убеждения, мы основываемся на соответствующих теоретических работах М. Вебера (см., например, Вебер М. Исследования по методологии науки: в 2 ч. М.: ИНИОН АН СССР. 1980. Ч. 1. 145 с.). Таким образом, национализм и «русскость» как концепты представляют для исследователей не просто научный интерес, но и ценность.

² Сам А.В. Нехаев при этом руководствуется одной из возможных классификаций подходов к этнознанию и берет ее из другой работы [4, с. 625].

учеными новые вопросы [5, с. 7]. Отправной точкой становится тезис, согласно которому национализм признается неоднородным явлением, и даже просто оболочкой, внутри которой в разное время, в разных государствах содержались особенные политические, культурные и даже экономические программы, а идея об объединении людей внутри государства в единую нацию – это только способ эти самые программы транслировать на массовую аудиторию. Спустя почти 10 лет он продолжает разворачивать свою мысль, прибегая к аргументации на основе большого количества источников. Именно эти источники во многом определяют использование теорий.

Для А.И. Миллера «нация», в духе конструктивистских теорий, является конструкцией, которая создавалась политикой имперской администрации. Однако это не совсем инструменталистский «интерес». А.И. Миллер приходит к выводу, что создание нации – это закономерный процесс в развитии государства. Поэтому его интересует не сама интенция авторов национального проекта, получаемая от объединения населения империи выгода, а идеология, которая при помощи этого выстраивалась (см. [6]).

Особым образом он в свете вышесказанного трактует процесс «русификации». Во-первых, А.И. Миллер отмечает, что русификация – термин скорее дескриптивный и собирательный, а не аналитический. Так как для него важно, что в процессе строительства нации принимали участие только деятельные акторы, которые равно воздействовали друг на друга и на сам проект, он говорит, что под русификацией необходимо понимать и аккультурацию, и ассимиляцию по степени усвоения национальными окраинами конструируемой империей идентичности [6, с. 56].

Нужно обратить внимание на то, что А.И. Миллер настаивает на использовании ситуативного подхода, согласно которому в период возникновения националистически заряженных политических проектов имперские власти не имели четкого плана по объединению населения империи на основе общей идеи, поэтому каждое их действие было скорее приспособленческим (см. [4]). Единственно возможным в таком подходе оказывается анализ полемики по национальному вопросу, в ходе которого побеждали одни и проигрывали другие национальные проекты. И все это вполне в духе конструктивизма.

«Русские, что бы мы ни имели в виду под этим понятием, были центральной и наиболее многочисленной этнической группой империи» [6, с. 150], – пишет А.И. Миллер в своей монографии. Несмотря на очевидность утверждения того, что «русскость» используется исключительно как рабочая категория, А.И. Миллер также определяет «русскость» и как этническую характеристику населения. «Русский» – это не национальность, национальность для него – это тот дискурс, в котором конструируется образ «русскости». Поэтому закономерными будут и такие формулировки исследователя: «Русских в Российской империи было большинство» [6, с. 72]. Как правильно отметил Р. Брубейкер, «этнические и прочие группы по-прежнему понимаются как сущности и расцениваются как акторы» [7, с. 17].

А.И. Миллер, безусловно, трактует национализм в геллнеровском понимании этого термина, то есть как «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [8, с. 9].

И здесь мы хотим отметить противоречие, которое в целом свойственно конструктивистскому подходу. В тот момент, когда исследователь провозглашает «конструктивный» характер национализма, он тем не менее должен анализировать группу людей и навязывать им признаки группности, которых у них не было, для того чтобы сформировать объект исследования. У А.И. Миллера же этот объект просто исчезает из исследования, так как его интересует прежде всего националистический дискурс. «Русский» остается за кулисами театрального действия, но не в качестве режиссера, а как такой же подданный, как и все население империи.

А.И. Миллер не ставил перед собой задачи написать историю национализма как некой идеи. Тем более сложно сказать, что это также история понятия «национализм» и «нация». В своем небольшом справочнике, изданном в серии «Азбука понятий», А.И. Миллер пытается проследить историю понятия «нация» и, самое главное, ответить на вопрос, почему оно не является аналитическим инструментом [9]. Эта небольшая книга была издана в 2016 г., спустя 10 лет после написания «Западных окраин» [10]. С тех пор историком было наработано достаточное количество материала для того, чтобы осмыслить «нацию» как понятие. Однако в 2006 г. А.И. Миллер и М.Д. Долбилов используют его для того, чтобы написать скорее историю высказываний о «нации» и «национализме». Они фиксируют максимально возможное число контекстов употребления этих слов, пытаются определить интенции авторов этих высказываний [10]. Но это не позволяет им говорить о распространенности самой национальной идеи, также не позволяет выявить национальную идентичность. К. Скиннер справедливо критиковал историю идей за то, что в конечном итоге она превращается в историю авторских интенций [11, с. 96], так как невозможно без их анализа определить смысл высказывания, а выявив их, невозможно говорить о распространенности этих идей. Поэтому исследование А.И. Миллера, посвященное национальной политике на окраинах, не может в строгом смысле претендовать на глобальный вывод о средствах создания национальной идентичности, так как замыкается на перечислении и анализе высказываний со словом «нация» и «национализм». Тем не менее эта работа также необходима.

В монографии, написанной А.И. Миллером в соавторстве с М.Д. Долбиловым и другими историками, подход к изучению окраин империи в целом идентичен тому, что А.И. Миллер описывает в методологическом эссе. Б. Андерсон в своем знаменитом манифесте конструктивизма «Воображаемые сообщества» пишет о том, что «воображаемые» не значит не сфальсифицированные. Принципиально важно для него то, что воображаемое единство фокусируется на существующих признаках [12, с. 29]. Для А.И. Миллера и М.Д. Долбилова этими признаками становятся «язык» и «конфессия», которые легли в основу сконструированного политического принципа [10]. Именно посредством ликвидации национального языка, строительства обязательных начальных школ было возможно распространить эти базовые признаки, которые впоследствии стали бы хорошим подспорьем для более глубокого укоренения русской идентичности³.

³ Эта оптика, возможно, продиктована теорией Э. Хобсбаума [13].

Этим самым исследователи отменяют эссенциалистскую «русскость», и устанавливают ее плебисцитарный⁴ характер.

Авторы монографии также изначально оговариваются, что термин «западные окраины» используется ими, во-первых, чтобы избежать использования самоназваний современных государств Украины, Белоруссии, Литвы и Польши, во-вторых, потому что в Российской империи действительно существовал административный округ «Западный край». Таким образом, с одной стороны, авторами отрефлексирована разнородность процессов, происходивших на этой территории, и они не склонны руководствоваться терминами воображаемой географии для подкрепления своих выводов; а с другой – ограничили хронологический диапазон исследования до конкретных «видимых» объектов. Но западные окраины здесь выступают и как действующий актер, и как объект имперской политики, при этом сама империя интересует историков в первую очередь.

В монографии «Русский край, чужая вера» М.Д. Долбилов предпринимает попытку анализа дискурса источников, с которыми работает. При этом он не просто выявляет тропы и фигуры речи и контекст их употребления, но также отмечает частотность их использования в речи. Однако он анализирует часть дискурса, которая связана с «религиозной политикой» в северо-западном крае. Таким образом, в его работе конфессиональный вопрос становится частью национального. Он пишет: «В России середины XIX века этничность... нередко определялась через конфессиональные – или социоконфессиональные – характеристики» [14, с. 14]. Для него логично, что национальная идентичность накладывалась на религиозную, и поэтому «русскость» отождествлялась с православием [14, с. 14]. Таким образом, для М.Д. Долбилова одним из узлов «национальной конструкции» становилась конфессиональная принадлежность. Это объясняет действия власти по распространению православия на окраинных территориях.

Интересно посмотреть, как М.Д. Долбилов пытается сочетать в своем исследовании конструктивизм и инструментализм. С одной стороны, национализм, пусть и сконструирован, но буквально накладывается поверх религиозной идентичности, которая является символом единства нации, как ценностной системы координат, то есть национализм выступает в роли «новой» идеологии, сменившей устаревшую и не актуальную; с другой – важно, что это происходило в результате насильственных действий властей, которые были заинтересованы в объединении населения империи. Они же изначально были уверены, что религия станет продуктивным объединяющим инструментом.

Е.А. Вишленкова переосмысливает теорию Б. Андерсона о «воображаемых сообществах», в основу которой был положен «образ» некоего общества, к которому человек может себя причислить и с которым идентифицирует себя, несмотря на то что не знает каждого в него входящего. Этот «образ» Е.А. Вишленкова трактует в буквальном «визуальном» смысле, определяя лубок как своего рода референс для конструирования нации как некоей общности (см. [15]).

Е.А. Вишленкова работает в методологии визуального поворота. Ее задачей является решение вопроса о соотношении визуальной информации и текста.

⁴ Расхожая среди всех исследователей формулировка: «Нация – это плебисцит», подхваченная из уст Э. Ренана (Ренан Э. Что такое нация. СПб.: Изд. В. Бермана и С. Войтинского, 1886. 43 с.).

Для того чтобы максимально приблизиться к правильному «прочтению» визуальных источников, она восстанавливает эпистемологическую картину конца XVIII – начала XIX в. Выработка словаря символов, технологий перевода из визуального в текстовое не является основной задачей исследователя, так как Е.А. Вишленкова работает прежде всего с идентичностью, с образом «русскости», который не предполагает погружения в символику, но требует обработки всех деталей образа в некую совокупность, которая в единстве своем и выражает «русское».

Монография Е.А. Вишленковой является новаторской во всех смыслах (и с точки зрения фокуса исследования и подходов, которые использует историк). Однако выбор визуальных источников для анализа продиктован не столько пафосом новаторства, сколько теоретически обоснованной автором необходимостью анализа визуальных источников в исследовании истории становления национальной идентичности в Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. Для Е.А. Вишленковой, как и для большинства конструктивистов, очевидно, что «нация» была сконструирована в определенный исторический момент, для России точкой отсчета становится вторая половина XVIII в., а если говорить еще точнее – время правления Екатерины II. В конструктивистской же парадигме историк предпринимает попытки охарактеризовать эпистему эпохи, восстановить систему знания и механизм создания смыслов, в котором происходила выковка национальной идеи. Несмотря на то что центральными источниками исследования становятся гравюры, эскизы, рисунки французских, английских и немецких художников, исследователь не отказывается и от анализа классических письменных документов, которые помогают ей «расшифровать» смысл изображения. Так как национальный конструкт еще не был оформлен, но слова «нация» и «национализм» использовались в речи, смысл их был ситуативен, и поэтому, вставая на тонкий лед интерпретации вложенного в них смысла, легко утонуть в презентизме. Выход из такой ситуации Е.А. Вишленкова видит не в замене, но в расширении источниковой базы, дополнении ее визуальными материалами, которые могут быть также информативны, как и письменные. А обозначить границы интерпретации визуальных «высказываний» ей помогает эпистемологическая рамка.

«Медицинская аргументация... стала в это время новым средством означивания народов» [15 с. 146], – очень важное аналитическое замечание Е.А. Вишленковой. Таким образом она вскрывает эпистему того времени, то есть контекст, в котором описывались народные характеры. Эта среда обусловила и задала вектор дальнейшему развитию подходов к этому вопросу.

Меж тем использование фигуры Екатерины II и анализ той политической ситуации, которая возникла во время ее царствования, вынуждает Е.А. Вишленкову обратиться и к инструменталистским объяснительным схемам. Екатерина II лично принимала участие в выборе художников, которые будут формировать визуальный образ единства, сама издавала журнал «Всякая всячина», на страницах которого рассуждала о «национальном характере» подданных, принадлежавших к разным этническим группам. Всё говорит о том, что императрица была лично заинтересована в результате творения нации. То, что Е.А. Вишленкова датой старта подготовки условий национальных проектов выбирает годы царствования Екатерины II, может говорить о предубеждении, что именно в это время прежние механизмы легитимации власти перестали работать, а значит, национализм служил

властям инструментом для консолидации населения и его подчинения. Однако Е.А. Вишленкова не эксплицирует условия своего выбора эпохи, возможно, это также связано со спецификой самих источников.

Работа выполнена под влиянием такого направления, как визуальные исследования, и в основу работы положена методология анализа визуальных источников. Сама автор определяет метод как «аналитическое рассматривание» [15, с. 5], суть которого, в том числе, заключается в восстановлении условий производства, распространения и «потребления» обозначенных видов художественного творчества.

С визуальными источниками Е.А. Вишленкова работает много лет, однако она впервые осмысляет это в своей монографии. Сферой ее интересов долгое время была история университетов, а время, которым она интересовалась, как раз период конца XVIII – начала XIX в. Это позволяет сделать вывод, что автор действительно хорошо знает событийный и идейный контексты эпохи, с которой работает и в монографии.

К тому же, несмотря на все перечисленные выше признаки конструктивистского подхода, Е.А. Вишленкова пытается его переосмыслить, и это переосмысление автором отрефлексовано [15, с. 8]. Так как конструктивизм обращается исключительно к процессам и механизмам функционирования собственно понятий в дискурсе (в котором, кстати говоря, представлены не все группы населения империи), остается в стороне собственно «русскость» и ее дискурсивные характеристики.

Специфика источников позволяет также Е.А. Вишленковой синтезировать примордиализм и конструктивизм, и в каком-то смысле приблизиться к этносимволизму. Э. Смит в критическом обзоре теорий национализма предлагает свой собственный подход к изучению этого сложного явления – этносимволизм. Суть его заключается в том, что национализмы дифференцируются на основании различий образующих их мифов, традиций, ценностей и символов [2, с. 350]. Гравюры, картинки, лубок и другие виды изображений, с которыми работает Е.А. Вишленкова, по сути, представляют собой визуализацию этих самых традиций, ценностей, некоторых культурных символов. И это в первую очередь культурное единство, а не политическая солидарность населения. Таким образом, единство «нации» рождается из общности всех этих культурных элементов.

В отличие от А.И. Миллера и М.Д. Долбилова, Е.А. Вишленковой удается вернуть «русского» в качестве активного субъекта на арену имперской истории. Однако это тоже очень условно. Потенциально, именно «русский» является главным потребителем этих картинок.

Так или иначе, все исследователи работают в исследовательском поле интеллектуальной истории, в котором произошли многочисленные изменения в период «после постмодерна». Можно это обнаружить по тому, как исследователи относятся к классическому классовому делению населения империи. С одной стороны, они четко отделяют образованные элиты от неграмотных низов. Однако делается это исключительно ради исследовательских целей. Постмодернистская эстетика практически отменила деление идей на «высшие» и «низшие». Производством смыслов занимались все сословия, и между этими смыслами наблюдается продуктивный синтез. Единственное существенное отличие состоит в разнообразии каналов их передачи и потребления. Именно поэтому для

Е.А. Вишленковой визуальные изображения становятся панацеей от конструктивистской слепоты.

Этот подход, с другой стороны, очень опасен, если выходить за рамки интенций создателей визуальных изображений. Поэтому, хотя Е.А. Вишленкова действительно возвращает так называемого «массового зрителя», то есть актора, который в нациеведении обычно трактовался как пассивная, воспринимающая сторона, в фокус внимания, в то же время она не опускается на микроуровень исследования, это абсолютно точно не интеллектуальная история снизу, несмотря на декларируемую смысловую доступность визуальных изображений. К тому же, чтобы заводить разговор о том, как продукты художественного творчества воспринимались «народными массами», необходимы источники, по которым можно было бы восстановить средний уровень смыслов, которые в народе бытовали. Это проблема, с которой столкнулись постколониальные исследователи⁵, когда требовалось сместить акценты с угнетенных на угнетателей. Однако этот проект всерьез так и не был реализован по причине, что говорить о самосознании людей можно только в том случае, если это самосознание, идентичность выражаются в письменных источниках. Е.А. Вишленкова решает эту проблему оригинальным способом, тем не менее, и она не подступает к серьезному разговору об идентичности⁶.

Е.А. Вишленкова не была первооткрывателем подхода. Еще в 2006 г. С. Норрис впервые начал анализировать лубок для того, чтобы понять механизмы конструирования национальной идентичности. С. Норрис писал, что в лубке (который он трактует максимально широко) можно отметить 3 элемента самоидентификации, такие как «власть», «народ» и «религия» [16, р. 10]⁷, что позднее сформируют так называемую «Уваровскую триаду».

Интересно также, что Е.А. Вишленкова отмечает «ограниченность и уязвимость» применения к анализу изображений лингвистических методов. Она настаивает на том, что необходимо «иметь в виду онтологическую несводимость образа к вербальным терминам» [15, с. 17]. Для нее очевидно, что «только художник мог перевести литературные опыты в пространство массовой культуры, превратить, например, поэтические образы в разговорные топосы и этнические стереотипы» [15, с. 213]. Имеется в виду сукцессивность письменной культуры, которая противопоставляется симультанности визуальных изображений.

Е.А. Вишленкова часто употребляет такую аналитическую категорию, как «массовое сознание» [15, с. 367, 382, 389]. Однако можно ли с уверенностью говорить о существовании массового сознания в начале XIX в.? Эпоха массового воспроизведения искусства была еще очень далеко, и производство предметов культуры было под контролем ограниченного круга лиц, а значит, именно они определяли, что может быть произведено, а что нет. Для этого должен существовать канон, сформированный группой критиков. И таким образом концепции, зашифрованные в произведениях визуальной культуры, транслировались на широкую аудиторию

⁵ В частности, здесь мы имеем в виду индийскую историографию, школу «Subaltern studies».

⁶ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М.: Канон: РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.

⁷ Мы обращаемся к этой монографии только в качестве справки, для того чтобы проследить эволюцию визуального подхода к изучению идентичности.

(не хотим писать «массовую», потому что это слово не просто коннотативно заряжено, но и концептуализировано вместе со словом «общество» в феномен, относящийся к XX в.).

Эти ощущения также связаны с тем, что Е.А. Вишленкова следует за авторами рисунков, не задаваясь вопросом, почему они рисовали именно бедную часть населения. Это принимается как данность по той причине, что в русском языке слова «народ» как бедное население страны, объединенное этнической общностью, и «народ» как прототип нации в это время сливаются воедино. И сегодня это слово используется одинаково часто в обоих смыслах. Но в тот момент, когда только создавался этот миф, было бы интересно разобраться, почему иностранцам была присуща именно такая оптика. В любом случае, они так или иначе общались с элитой, которая лишь косвенно относилась к остальному населению страны, национальная идентичность, придуманная ими, вряд ли ими же и использовалась.

Е.А. Вишленкова для расшифровки образов пользуется, в том числе, вербальными источниками. Именно в сочетании с изображениями вербальные послания усваивались и становились частью языка самоописания [15, с. 380]. Так она анализирует изображения русских, которые иллюстрировали «русскую» жизнь в письмах английского путешественника Р. Портера, адресованных им своему другу Э. Кларку. Он сопровождает иллюстрации подробными комментариями, в которых дает отрицательную оценку быту русского крестьянства. Здесь мы видим двойную оптику: с одной стороны, это англичанин пишет о русском, с другой – дворянин пишет о крестьянине [15, с. 158]. И это важный момент. На наш взгляд, ситуация подобная той, что сложилась в России, могла наблюдаться и в Англии, а именно – различие элитарной и массовой культуры. Что было в России более русским – колядки или А.С. Пушкин? На этот вопрос нельзя ответить правильно и однозначно. Дело в том, что мы можем наблюдать здесь различные идентичности. А «русскости» как таковой, отдельной от сословия еще нет.

Е.А. Вишленкова также делает амбициозную попытку определить художественные каноны «русскости», что позволяет увидеть еще одно неочевидное измерение этого понятия – эстетическое. Важным «институтом» утверждения канонов красоты был институт художественной критики. Мнение таких знатоков живописи, как например В.И. Григорович, прямо влияло на то, как должен был изображаться «русский» [15, с. 372]. Таким образом, Е.А. Вишленкова хочет подчеркнуть, что художники не были свободны в своем творчестве и визуальные источники этого времени действительно можно и необходимо использовать в качестве иллюстрации важности решения вопроса национальной идентификации в это время. Помимо этого, критики также зависели и от экономической стороны этого вопроса: популярность иностранных художников в России создавала не очень благоприятные условия для труда «отечественных» мастеров, их работы оплачивались гораздо хуже, чем работы иностранных коллег. Критик не всегда был свободен в своих высказываниях, он также должен был учитывать ситуацию на «рынке», что заставляло его отдавать предпочтение «русским» художникам, но русскость их заключалась в «русском подданстве».

Является ли работа Е.А. Вишленковой в полном смысле интеллектуальной историей снизу? Как она соотносится с исследованием Р. Дарнтон, писавшего

о том, что смыслов, которые читатель мог почерпнуть из произведения древности было ограниченное количество, а рамки задавали другие интеллектуальные произведения, формат, в котором произведение издано (соответственно отношение к нему), язык и другие контексты⁸. Читатель в случае Р. Дарнтон и зритель в случае Е.А. Вишленковой могли привнести свое мнение, отношение, ценности в анализируемый объект, но не больше. Е.А. Вишленкова в точности следует за американским исследователем, так как в целом модель исследования кажется универсальной как для текстовых, так и для визуальных источников. Однако Р. Шартье не согласился бы с этим, заявив, что возможных интерпретаций может быть бесконечное множество [16]. И выбор той, которая нам кажется более разумной (даже если при этом мы опираемся на богатую эмпирическую базу), определяется предпочтениями исследователя.

Еще по поводу микроистории. Она возникает как раз в эпоху «развитого постмодерна», эстетика которого не предполагает объединение в школы, в организованные сообщества ученых, так как ученые, работая в одних и тех же исследовательских полях, остаются локализованными по отношению друг к другу, а набор методов, выбранных для анализа исторических источников, характеризует скорее личность исследователя, а не предметное поле в целом. Поэтому разговор об идентичности мог бы вполне состояться, но на большем количестве источников. К тому же мы исходим из предположения, что «автор жив» и сильно влияет на интерпретацию интертекста, из которого прорастает его тема⁹.

М.Д. Долбилов так же, как и Е.А. Вишленкова, понимает важность работы с эпистемой эпохи правления Александра II. Мы можем найти у него такие строки: «Приведенная цитата хорошо показывает, что в мотивации Бессонова националистические побуждения сплетались с просветительскими: современная установка на языковую аккультурацию соседствует с верой в универсальную силу “приемов науки”» [14, с. 576]. Однако это не означает, что он не выделяет какую-то общую систему ценностей и идей, но отмечает заимствование этих идей конкретными авторами источников, что приближает его работу к микроистории.

Е.А. Вишленкова делает важный акцент, утверждая, что не ощущение народного единства стало причиной создания визуального атласа народов России, а именно эти изображения народов помогли мобилизовать гетерогенное население империи [15, с. 290]. Это еще один штрих к доказательству того, что нация имеет именно конструктивный характер. То есть нация и национальная идентичность не могут существовать до тех пор, пока не будут эксплицированы образующие их признаки, так как человек мыслит исключительно артикулированными концептами. В таком же ключе рассуждают А.И. Миллер и М.Д. Долбилов, рассматривая национализм как дискурс о нации в соотношении с конкретными действиями властей по реализации национальных проектов. Только их в меньшей степени волнует состояние научного и квазинаучного знания, которые предопределяют смысл высказываний. Соотношение «слова и дела» является ключевым в интерпретации интенций.

⁸ Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: НЛО, 2002. 384 с.

⁹ Этот вывод мы делаем с опорой на теоретико-методологическую базу кембриджской школы интеллектуальной истории [18].

Всех авторов: А.И. Миллера, М.Д. Долбилова и Е.А. Вишленкову – отличает одна и та же особенность – все они склонны оговариваться, что остаются в позиции исследователей и не пытаются оправдать и «обелить» Российскую империю в глазах читателей. А.И. Миллер при этом твердо настаивает на том, что историк не должен быть ангажирован [6, с. 15], не должен выполнять политический заказ, тем более в разговоре об истории национализма занимать чью-либо (русских или не русских) сторону¹⁰. Е.А. Вишленкова не говорит открыто о современной политической обстановке. Однако она изначально оговаривается о смысле используемых ею терминов «народ», «нация», «национализм», что, с одной стороны, конечно, только исследовательская задумка для того, чтобы избежать искажения восприятия ее исследования, а с другой, на наш взгляд, – ощущение напряжения, возникшего вокруг этих терминов в обществе¹¹. Однако изменение слов, как правило, не ведет к изменению содержания. М.Д. Долбилов же в своем исследовании этноконфессиональной политики империи склонен считать ее в большей степени насильственной по отношению к окраинам по той причине, что нахождение их в составе империи ставило их в условия безальтернативного выбора, в которых им приходилось приспосабливаться к новым реалиям [14, с. 22]. Всех, так или иначе, объединяет осознание необходимости не быть ангажированными, что в первую очередь влияет на выводы исследователей, а также отражается на тех подходах, которые они используют. Именно конструктивизм и отчасти инструментализм (к которому склонен обращаться М.Д. Долбилов) позволяют направить фокус исследования на процессы и дискурс, а не на самих авторов, так как они признаются исторической данностью, а не продуктом ценностного выбора. Хотя с этим тоже можно поспорить.

Между тем, несмотря на конструктивистский тон, на наш взгляд, конструктивности литературного русского языка практически не уделяется внимания. А.И. Миллер в своем исследовании обращается к историческому сюжету о переводе некоторых языков на кириллицу, например татарского языка, причем подчеркивает, что это было сделано добровольно. По его мнению, мусульманская интеллигенция (например, И. Гаспринский) рассчитывала таким образом почерпнуть из новых источников идеи для развития своих националистических проектов [6, с. 62]. Однако язык не ограничивается только письменностью, и даже если переход на кириллицу рассматривался как один из механизмов русификации, то последствия такого перехода можно было оценить уже по более поздним источникам. Е.А. Вишленкова практически не касается языковой политики в империи, так как она работает с графическими образами. М.Д. Долбилов также почти не уделяет этому внимания, тем не менее русский язык, так или иначе, является индикатором «русскости» для историков.

¹⁰ Об этом он говорит в видео-лекции «Украинский вопрос в Российской империи», записанной для образовательного интернет-проекта «Постнаука». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fnEMlwkUsaM>.

¹¹ Лингвист М. Кронгауз, в одном из своих интервью (Кронгауз М. «Лицо национальности». Неполиткорректность в русском языке. 2007. 10 сент. URL: <https://www.svoboda.org/a/411203.html>) отмечает, что в тот момент, когда в обществе возникает напряжение в отношении какой-либо национальности, в языке меняется название этих национальностей (напр., еврей превращается в лицо еврейской национальности). На наш взгляд, это можно экстраполировать и на стремление Е.А. Вишленковой заменить привычные термины, используемые в нациеведческих теориях, на другие, менее коннотативно нагруженные.

Э. Смит в своем обзоре теорий национализма в 1998 г. отмечал, что существует тенденция к фрагментации теорий национализма, исследователи отказываются от идеи создания метатеории, охватывающей все национализмы, и стремятся к уникализации объекта своего исследования, то есть возвращаются к эссенциалистским основаниям теорий, но на новом уровне [2, с. 14]. Можно сказать, что российские исследователи реализовали эту тенденцию в полной мере. И эта позиция ими отражена. Е.А. Вишленкова оговаривается, что при изучении национального вопроса в России нельзя слепо накладывать на «русский материал» жесткую структурную схему [15, с. 5]. Тем самым она хочет не подчеркнуть уникальность российской истории, но обозначить, что метод должен соответствовать источникам. Однако подобная теоретическая установка исходит от глубоко укорененного убеждения в обособленности наций друг от друга, в невозможности гранд нарративов, так как они не учитывают уникальность и специфику исторической ситуации. Э. Смит завершает свою работу словами надежды на то, что когда-нибудь теоретики национализма снова вернуться к созданию большой теории, подобной тем, что создавали примордиалисты и модернисты, теории, которая учла бы ошибки двух подходов и смогла бы осуществить продуктивный синтез [2, с. 409]. Э. Смит видел возможность этого синтеза в теории этносимволизма, и как мы убедились, лишь отчасти российским исследователям удалось выйти за рамки конструктивизма.

В настоящее время работать с национальными концептами все еще сложно. Известную сложность создает слишком большое разнообразие определений слов «нация», «национальность», «народ», «империя» разной степени размытости. Их настолько много, что порой они бывают даже взаимоисключающими. Тем не менее это разнообразие говорит только о том, что понятия впервые были восприняты исторически, в их динамике и развитии.

Литература

1. *Бараин Р.Э.* Политические игры в русское // *Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, национальные и протонациональные нарративы: формирование и репрезентация.* – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 151–161.
2. *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор теорий наций национализма. – М.: Праксис. – 2004. – 465 с.
3. *Нехаев А.В.* Теории наций и национализмов: проблема классификации // *Омский науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность.* – 2016. – №. 2. – С. 36–45.
4. *Yuval-Davis N.* Gender and nation // *Ethnic and Racial Studies.* – 1993. – V. 16, No 4. – P. 621–632.
5. *Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции.* – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. – 198 с.
6. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: НЛО, 2006. – 248 с.
7. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – 408 с.
8. *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 322 с.
9. *Миллер А.И.* *Нация, или Могущество мифа.* – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. – 146 с. (Азбука понятий, Вып. 2)

10. Западные окраины Российской империи / Под ред. М.Д. Долбилова, А.И. Миллера. – М.: НЛЮ, 2006. – 608 с.
11. *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: НЛЮ, 2018. – С. 53–123.
12. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково Поле: Канон-пресс-Ц, 2001. – 288 с.
13. *Хобсбаум Э.* Нация и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998. – 308 с.
14. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М.: НЛЮ, 2010. – 1000 с.
15. *Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – М.: НЛЮ, 2011. – 384 с.
16. *Norris S.M.* A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. – DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 2006. – 277 p.
17. *Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2. – С. 2.
18. *Скиннер К.* Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: НЛЮ, 2018. – С. 123–142.

Поступила в редакцию
11.03.2020

Гиматдинова Айгуль Рамилевна, магистрант кафедры теории и истории гуманитарного знания; рецензент

Российский государственный гуманитарный университет
пл. Миусская, д. 6, г. Москва, 125993 г., Россия
Издательство «Эксмо»
ул. Зорге, д. 1, г. Москва, 123308, Россия.
E-mail: 737cima@mail.ru

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания

Российский государственный гуманитарный университет
пл. Миусская, д. 6, г. Москва, 125993 г., Россия
E-mail: N.Nedashkovskaya@yandex.ru

doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.232-247

**Methodology of Research on Nations and Nationalism
in Modern Russian Historiography (Based on the Concept of Russianness)**A.R. Gimatdinova^{a,b*}, N.I. Nedashkovskaya^{a**}^aRussian State University for the Humanities, Moscow, 125993 Russia^bEksmo Publishing House, Moscow, 123308 Russia

E-mail: *737cima@mail.ru, **N.Nedashkovskaya@yandex.ru

Received March 11, 2020

Abstract

The methodology for studying nations and nationalism in modern Russian historiography was analyzed. The concept of Russianness was considered, and, as a result, it was demonstrated that the scope of tools and methods used in intellectual history can be expanded. The scientific and research discourse of the notions of nation, nationalism, and, in particular, Russianness was outlined. The conceptualization of the latter – in the works by A.I. Miller, M.D. Dolbilov, and E.A. Vishlenkova – was considered. The limits of the concept were defined. Its place in the historiographical notions of nation and nationalism, identity and empire was revealed. The intentions of the authors of historiographic statements were identified based on the works published by the Cambridge School of Intellectual History. The biographical approach was used: the role played by personal views of a researcher, which inevitably humanize the history of historiography, was discussed. Special attention was paid to cognitive metaphors enabling both deconstruction of the meaning of statements and identification of the content of their internal structures, such as ideologemes or frames.

Keywords: nation, nationalism, concept of Russianness, intellectual history, historiography, constructivism, ethnosymbolism

References

1. Barash R.E. Political games in being Russian. In: *Natsii i etnichnost' v gumanitarnykh naukakh. Etnicheskie, natsional'nye i protonatsional'nye narrativy: formirovanie i reprezentatsiya* [Nations and Ethnicity in Humanities. Ethnic, National and Protonational Narratives: Formation and Representation]. St. Petersburg, Aleteiya, 2017, pp. 151–161. (In Russian)
2. Smith A. *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskii obzor teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Moscow, Praxis, 2004. 465 p. (In Russian)
3. Nekhaev A.V. Theories of nations and nationalisms: A problem of classification. *Omskii Nauchnyi Vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, 2016, no. 2, pp. 36–45. (In Russian)
4. Yuval-Davis N. Gender and nation. *Ethnic and Racial Studies*, 1993, vol. 16, no. 4, pp. 621–632. doi: 10.1080/01419870.1993.9993800.
5. *Natsionalizm i formirovanie natsii. Teorii – modeli – kontseptsii* [Nationalism and Development of Nations. Theories – Models – Concepts]. Moscow, Inst. Slavyanoved. Balkanist. Ross. Akad. Nauk, 1994. 198 p. (In Russian)
6. Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Empire of the Romanovs and Nationalism: An Essay on Historical Research Methodology]. Moscow, NLO, 2006. 248 p. (In Russian)
7. Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow, Izd. Dom VShE, 2012. 408 p. (In Russian)

8. Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow, Progress, 1991. 322 p. (In Russian)
9. Miller A.I. *Natsiya, ili Mogushchestvo mifa* [Nation or the Power of Myth]. St. Petersburg, Izd. Evr. Univ. S.-Peterb., 2016. 146 p. (In Russian)
10. *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western Outskirts of the Russian Empire]. Dolbilov M.D., Miller A.I. (Eds.). Moscow, NLO, 2006. 608 p. (In Russian)
11. Skinner Q. Meaning and understanding in the history of ideas. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, NLO, 2018, pp. 53–123. (In Russian)
12. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenie natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, Kuchkovo Pole, Kanon-Press-Ts, 2001. 288 p. (In Russian)
13. Hobsbawm E. *Natsiya i natsionalizm posle 1780* [Nations and Nationalism since 1780]. St. Petersburg, Aleteiya, 1998. 308 p. (In Russian)
14. Dolbilov M.D. *Russkii kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Territory, Alien Faith: Ethno-Confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow, NLO, 2010. 1000 p. (In Russian)
15. Vishlenkova E.A. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual Ethnology of the Russian Empire or "Not Everyone Is Able to See the Russian"]. Moscow, NLO, 2011. 384 p. (In Russian)
16. Norris S.M. *A War of Images: Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812–1945*. DeKalb, North. Ill. Univ. Press, 2006. 277 p.
17. Chartier R. Intellectual history and history of mentalities: Double reassessment? *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2004, no. 2, p. 2. (In Russian)
18. Skinner Q. Motives, intentions, interpretation of texts. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, NLO, 2018, pp. 123–142. (In Russian)

Для цитирования: Гиматдинова А.Р., Недашковская Н.И. Методология исследований наций и национализма в современной российской историографии (на материале концепта «русскости») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 232–247. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.232-247.

For citation: Gimatdinova A.R., Nedashkovskaya N.I. Methodology of research on nations and nationalism in modern Russian historiography (based on the concept of Russianness). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 232–247. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.232-247. (In Russian)